

Азъ

Поэзия

Алекс де Клемешье

Сын Дога

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д25

Серия «Дозоры»

Автор идеи С. Лукьяненко

Серийное оформление А. Фереза

Художник А. Гайворонская

Художественное оформление макета Е. Климовой

де Клемешье, Алекс.

Д25 Сын Дога: [фантастический роман] / Алекс де Клемешье. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Дозоры).

ISBN 978-5-17-098742-9

Когда неведомый злой гений пытается исследовать структуру Сумрака научными методами, когда в тюрьмах заключенные-Иные творят беспредел, когда старые и новые друзья просят о помощи — очень трудно оставаться в стороне. Но как разорваться, как все успеть, особенно если главный виновник недавних событий все еще на свободе, если Дозоры ищут его совсем не там, а ты практически лишен Силы?

Деревенский участковый милиционер и руководитель районного отделения Ночного Дозора снова встретятся, чтобы решить проблему раз и навсегда.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© С. Лукьяненко, 2013

© А. Клемешов, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Моей супруге Дине
с благодарностью за терпение
и поддержку*

Пролог

Мне надоели мертвые лошади.

Первую, низкорослую и крепенькую степную кобылку, отдал мне нойон* Икирит — на рассвете того дня, когда я покинул дом. Он чувствовал себя настолько виноватым, что готов был отдать и больше. Глупец! Его вина была лишь в том, что он, как и подобает мужчине, хотел сына. Все остальное — исключительно моя спесь, мои гордыня и любопытство, приведшие к тому, что теперь я сам себе напоминаю трусливую утку, мечущуюся в высокой траве посреди болота. Мечущуюся и не ведающую, с какой стороны зайдет охотник, откуда раздастся звон тетивы...

Несмотря на то что нойон искренне верил в свои слова, когда говорил, что кобылка вынослива и прослужит мне долго, ее я загнал еще до того, как солнце поднялось над степью на длину ладони. Понукаемая уже не столько плетью, сколько заклинаниями, она еще какое-то время послушно перебирала ногами, хотя я перестал ощущать биение ее сердца за десяток ли** до того места, где она все же рухнула замертво.

Однако свое предназначение она выполнила: во-первых, на рассвете в степи нашлось бы немало свидетелей, как какой-то без-

* Нойон (*монг.* «господин», «князь») — предводитель древних (начиная с XI века) аристократических родов в Монголии и Бурятии.

** Ли — китайская единица измерения расстояния. В древности составляла 300 или 360 шагов.

умец галопом мчится в ту сторону, куда уходит на ночлег солнце, — в сторону монгольских озер и торговых путей; во-вторых, кобылка всего лишь тысячи шагов не дотянула до лагеря, охраняемого татарскими воинами. Что за люди были в лагере, везли ли они шелка и чай в Персию, или возвращались со специями и коврами обратно — мне было безразлично. Отведя глаза дозорным, я выбрал двух стройных коней ахалтекинской породы и скрылся, так и не будучи замеченным.

Отсюда мой путь резко повернул на север. Пусть все думают, что безумный Бохоли-Хара* пустился просить защиты в Самарканде или Бухаре. Пусть думают так и ищут меня на Закате. Или не ищут, если враг мой решит, что себе дороже связываться с самаркандскими магами, что гнев и нанесенная ему обида не стоят тех мук и времени, каких потребуют поиски несчастного сбежавшего шамана.

Украва ахалтекинцев, я намеренно более не пользовался сильной магией, чтобы не оставить следов в колючем степном Сумраке, следов, которые без труда прочтет и распутает мой враг. Этих сильных жеребцов я щадил, не стимулируя их заклинаниями, не загоня бешеной скачкой, — пускал то резвой рысью, то шагом, на ходу пересаживался с одного на другого или вел в поводу, если очередной подъем на холм оказывался слишком крутым. Все это дало мне возможность продвинуться на несколько тысяч ли; каменистая равнина сменилась сперва степными ковылями, а затем сочной травой предгорий. И все же что-то я делал не так. Наверное, ничего удивительного: с лошадьми я умел обращаться едва-едва. Оседлать и проскакать короткое расстояние не составляет труда любому, кто прожил в степи хотя бы год. Но длинные переходы — совсем другое дело. Когда Отец Небо награждает тебя шаманским даром, многие бытовые проблемы остаются в твоём прошлом. Теперь уже другие люди следят за тем, чтобы ты был сыт и доволен, и если род, в котором ты живешь в сей момент, решил перекочевать на новое место, то единственная твоя забота — подсказать наилучшее время для перехода и направление, в котором на пути не возникнет

* Бохоли-Хара (*бурят.*) — Черный Шаман.

трудностей. О твоём комфорте позаботятся, и ты даже не заметишь, кто и когда поменял лошадей, запряженных в твою повозку, почему эти лошади так свежи и как именно слуги ухаживают за уставшими.

Возможно, я неправильно напоил ахалтекинцев во время короткой передышки. Возможно, они были слишком привередливы — привыкли к хорошему корму, а я мог предложить им лишь степную траву. А может, и у них был свой предел жизненных сил. Так или иначе, они почти одновременно захрипели и принялись спотыкаться. Я спешился, взял под уздцы и, шурясь под косыми закатными лучами, попытался их «отшагать». Когда понял, что это не помогает, заставил лечь, сам устроился между ними и согревался их угасающим теплом большую часть студеной степной ночи.

Для путешествия по горной тропе я воспользовался клячей встретившегося бедняка. Впрочем, не таким уж бедняком он был, каким хотел казаться: поверх нижних халатов из тонкой шерсти был надет пусть и оборванный и грязный, но довольно тёплый войлочный, а в потрепанной седельной сумке оказалось еды и воды на пару дней. Все это говорило об определенном достатке «бродяги», так что я не испытал угрызений совести. В конце концов, я же оставил ему и провизию, и одежду, а до ближайшего селения он как-нибудь и пешком дошагает.

Под седло на потник бывший хозяин клячи предусмотрительно кинул шкуру, и к концу дня я не раз успел мысленно возблагодарить его за эту предусмотрительность. Животное подо мной было старым и очень осторожным, по ведущей вверх тропинке ступало медленно и никак не соглашалось поторопиться, поэтому ночевать пришлось на голом склоне, кутаясь в шкуру и ежась под порывами холодного ветра.

Перевал я преодолел только через два дня. К исходу этого срока пожилой тихход уже настолько взбесил меня, что я без какой-либо жалости прирезал его. Живот мой давно уже мечтал о бараньей похлебке, но сейчас вполне подошла и жаренная на костре жесткая конина. Запихивая приготовленное впрок мясо в сумку, я шепотом ругался: разве стоило загонять двух прекрасных ахалтекинцев, неумолимых и стремительных, словно два водопада, чтобы

позднее растерять добытое с их помощью преимущество? Если раньше мне казалось, что я здорово оторвался от возможной погони, то теперь, после столь затянувшегося перехода, я уже ни в чем не был уверен. Моему врагу незачем скрываться, он может купить столько лошадей, сколько понадобится, и всякий раз они будут свежи и накормлены. Мне же приходилось держаться в стороне от селений и не выбирать скакунов из хорошего табуна, а довольствоваться тем, что попадется под руку.

Следующий конь оказался немногим лучше утолившей мой голод клячи. Порядком нервничая из-за очередного досадного промедления, я даже плетью не смог заставить его перейти на рысь, и взбодрился конь лишь после того, как я стал всаживать в его круп кончик ножа.

С трудом, но он таки дотащил мое закаменевшее от верховой езды тело до Большой Воды — верховьев реки, которую кеты называют Хук, а эвенки — Ионесси*.

Глядя на то, как раздуваются бока жадно пьющего коня, я с тоской рассудил, что долго он не протянет. Мухи облепили его окровавленный круп, задние ноги подрагивали от напряжения и боли, а подпруга, которую я не догадался ослабить на водопое, жестоко врезалась в живот. Махнув рукой, я отвязал от седла сумку и пошел прочь, а уже через несколько мгновений услышал позади себя громкий всплеск: изможденный конь не удержался и свалился в воду. Судя по тому, что никаких звуков до моего уха больше не донеслось, выбраться обратно он даже не попытался.

Мне снова повезло: через полдня пути вниз по течению я наткнулся на лагерь хакасского тайджи**, сплавлявшегося со своей многочисленной свитой ко Дворцу Ли Лина*** и сделавшего остановку на берегу для охоты и отдыха. Личный шаман тайджи встретил меня формулой «татай» — магическим заклинанием от нечи-

* Река Енисей.

** Тайджи — господин (хакасский титул).

*** Дворец Ли Лина — строение, воздвигнутое в I веке до н.э. Находится на территории современного Абакана.

сти, но этим и ограничился, не распознав во мне Иного и не сочтя опасным для своего господина. Его уровень я оценил как пятый-шестой, и, стало быть, ничего удивительного в том, что один шаман не почувствовал другого — даже если бы я не закрывался, ему попросту не хватило бы Силы, чтобы оценить мою категорию. Вернее, отсутствие таковой.

Тайджи радушно принял путника, пригласил к огню, накормил, расспросил о том о сем и любезно согласился перевезти меня на другой берег, взяв в качестве платы рассказы о тех местах, в которых он никогда не бывал, а я прожил существенную часть своей долгой жизни. Он обладал острым умом и хорошей памятью, был любознательным и вежливым — и вполне заслуживал того, чтобы я запомнил его имя. В разговоре с ним я нашел еще одно подтверждение собственным надеждам: если ни меня, ни тайджи не обманули, то Тохтамыш* по-прежнему правил Тайбугинским юртом.

А где Тохтамыш — там наверняка и Моргон, старик, ушедший от берегов Байкала с войском хана в Чинги-Туру** много зим назад. Когда-то Моргон считался самым сильным шаманом. Когда-то — пока не появился я, Бохоли-Хара. Я испытывал к старику глубокое уважение, поэтому не опозорил, не изгнал, не насмеялся, не победил в честном бою — дал спокойно и добровольно уйти, освободив территорию молодому и сильному. С тех пор Моргон считался моим должником, и я был уверен, что он не откажет Бохоли-Хара в убежище, когда я доберусь до тех краев.

И снова были лошади. Лошади умирали подо мной и возле меня. Путь казался бесконечным, и пройденному расстоянию была лишь одна мера — порода и масть животных, каждое из которых помогло мне преодолеть очередной этап — и пало.

Силой мне все же пришлось воспользоваться: не той, что позволяет развести огонь на привале, и не той, что помогает пройти

* Тохтамыш — хан Золотой Орды в 1380–1395 гг., хан Тюменского ханства (Тайбугинского юрта) с 1400 г., один из потомков Джучи, старшего сына Чингисхана.

** Чинги-Тура — столица Тайбугинского юрта. В картах XVI века этот город уже называется Тюменью.

незамеченным мимо кочевья, — все эти действия не требуют от шамана глубокого погружения в колючий степной Сумрак. Когда на моем пути в леса и болота Самоедья возникло глубокое ущелье с отвесными склонами, я был вынужден задействовать свой старый амулет, который планировал оставить неприкосновенным до лучших времен. Но я был настолько измотан дорогой и сопутствующими ей лишениями, что предпочел не искать обходные тропы, а оборотиться гагарой и в два счета перелететь на ту сторону.

То ли это явилось роковой ошибкой, то ли дальнейшее было случайностью — но ближайшей же ночью меня попытались убить три батыра-невидимки.

Нет нужды подробно описывать схватку во мраке сибирской ночи под потоками ливня. У Высших шаманов есть способы узреть невидимое, но случившееся меня изрядно напугало. Хохоча от страха, словно безумец, я размазал нападавших по валунам, будто целебный бараний жир по коже больного, но в итоге умудрился не задать им главного вопроса: кто натравил на меня эту незримую свору? Кто отдал приказ уничтожить бедного Бохоли-Хару? Тот ли, о ком я постоянно думаю?

Батыры-невидимки нередко становились разбойниками, когда не могли найти другого применения своим способностям. А что еще им оставалось делать, если в тот момент их жизни, когда Отец Небо отворачивал свой лик от благополучия призрачных сынов степей, их услуги не требовались ни одному хану, тайджи или нойону? Все, что они умели, — сражаться, оставаясь неразличимыми для человеческого глаза и сумеречного взгляда большинства Иных. Перерезать в одиночку отдыхающий отряд, пусть даже он состоял из трех десятков опытных бойцов, или проникнуть в логово неприятеля и выкрасть полководца — такое не каждый день может понадобиться. Вот и шли воины, не привыкшие к открытому, честному бою, грабить караваны и обирать несчастных путников.

Сейчас в роли несчастного путника оказался я, но было ли целью невидимок ограбление? Или враг мой, учуяв колебания Силы, вызванные моим безрассудным обращением гагарой, подослал их для расправы?

Меня обуял ужас, а паника заставила бежать, не дожидаясь рассвета и не тратя времени на поиски новой лошади. Я петлял, будто трусливый заяц, и скакал по крутым склонам, будто горный козел. Я метался, словно глупая болотная утка, и трепетал, словно выкинутая на берег рыба. Я бежал весь остаток ночи и целый день без остановки.

Наконец я рухнул и зарыдал. Я был так жалок и противен самому себе, что предпочел забыться тяжелым, болезненным сном, лишь бы не пытаться уговорить себя успокоиться.

Пробуждение пришло на закате. Я лежал на голой земле, неловко подвернув руку; в правую половину лица впивались стебельки сухой травы и мелкие камешки, левую щеку царапал шершавый ветер равнин. Не открывая глаз, я с ненавистью прошипел:

— Кассссскет!..

Поздно было бежать и бояться. Во сне пришло понимание: мой враг близко. Нет, он не выследил меня, ему это совершенно не требовалось. Каскет с самого начала ни на миг не терял меня из виду. Ему было интересно наблюдать за мной и моими злоключениями, он безжалостно разглядывал меня, будто букашку, ползущую по соломинке над пропастью. А теперь ему надоело гадать, сколько я протяну и как далеко продвинусь, и он решил меня прихлопнуть, раздавить, словно вонючего клопа.

Собравшись с духом, я поднялся и мысленно воззвал к Отцу Небо с просьбой дать мне силы достойно прожить оставшиеся мгновения.

Затем огляделся.

Каменистая равнина, которую я по привычке считал степью, казалась почти безжизненной, лишь кое-где торчали пучки травы и тщедушный низкорослый кустарник. В десятке ли в сторону Заката виднелись богатые шапки лиственных деревьев — похоже, там была река. За рекой — пологие холмы, сплошь покрытые кедром. Сам же я находился у подножия почти отвесного утеса, вздымающегося к небесам так нахально, что даже запрокинутой головы было недостаточно, чтобы дотянуться взглядом до вершины. Примерно на середине стены было несколько уступов, на которых, казалось, прямо из скал росли высокие сосны.

Я вздохнул: преодолев невероятное расстояние, я далеко углубился в земли самоедов. Если сравнивать с общей длиной пройденного пути, до Тайбугинского юрта оставалось рукой подать. Вряд ли меня теперь пустят дальше, но попытаться стоило. Иначе какой же я Бохоли-Хара, какой же я Черный Шаман?!

К многочисленным пряжкам на поясе моего халата крепилось несколько небольших кожаных кисетов. Из первого я достал красную рыбью кость, прошедшую через пасть, желудок и кишечник медведя и убившую его. Костью я очертил круг, размером достаточный для того, чтобы я остался внутри, даже если упаду. Тонкое острие не оставляло на твердой почве следа, но, едва я замкнул круг, сухая трава, песчаная пыль и мелкие камешки почернели, словно по земле прошла не кроваво-красная игла, а уголь. Из второго кисета я вынул перо, невесомое для рук, но неподъемное для ветра, — оно принадлежало гагаре с черным горлом, десять раз влетевшей в юрту камлающего шамана через вход и девять раз вылетевшей сквозь дымовое отверстие. Его я положил на южную часть окружности, и оно осталось лежать на линии, будто придавленное тяжелым камнем. Из третьего я извлек засушенного головастика, успевшего наполовину стать лягушкой, и пристроил его на северной части окружности. Затем я плюнул на линию, ограждающую меня с Восхода, и запалил пучок трав, оставив его со стороны Заката.

Наконец из безразмерной сумки, в которой при желании я мог бы унести не только еду и воду, но и целую юрту, я достал бубен с колотушкой. Ладонь прошла по туго натянутой коже, проявляя потускневший рисунок, и внезапно мне почудилась насмешка: кожа была лошадиной! Я всегда знал об этом, поскольку сам изготовил бубен много-много весен назад, но теперь... Всю дорогу мне приходилось терпеть мертвых лошадей, они даже во сне стали мне сниться — и вот теперь я надеюсь на останки еще одной! Но эта — точно последняя. Либо она меня вывезет туда, куда не смогли доставить все предыдущие, либо...

Закрыв глаза, я ударил колотушкой. Родился звук, отдающийся в зубах и ребрах.

Когда Небесный Отец одаривал первых шаманов способностями ходить по слоям и совершать множество действий, недоступных обычным людям, он позаботился о том, чтобы мы не переусердствовали: всякий раз, отправляясь даже на самое близкое первое небо, мы должны исполнять ритуалы. Иногда очень длительные ритуалы, иногда болезненные и даже опасные. Я знал, что Моргон, например, использует для входа в Сумрак ядовитые грибы: дай малюсенький кусочек такого гриба большинству шаманов — умрут в мучениях, а уж об обычных людях и говорить нечего. Кто-то курил дурманящие травы, кто-то пил отвар с каплей гадючьей слюны, кто-то шептался с духами огня, опаливая брови и ресницы языками костра. Я слышал, что у персов, у русичей, у римлян и на самурайских островах есть чароплеты, которые могут совсем без усилий поднять с земли свою тень и перейти на первое небо. Слышал, но сам таких не встречал. К счастью, мой способ поднять тень был хоть и долгим, но самым безопасным. Мне не требовалось есть и нюхать яды, обжигаться огнем и проливать собственную кровь — моим стремением был звук.

Когда рокочущий ритм отделился от бубна и стал жить сам по себе, я открыл глаза. Я был уже на первом небе, но следовало поторапливаться. Ноги притопывали без моего желания, горло самопроизвольно издавало протяжные заунывные полукрики-полустоны, зато руки теперь были свободны. Приблизившись к центру круга, я наклонился и, уткнув указательный палец в сухую пыль, произвел им несколько быстрых вращательных движений, будто размешивал муку в чашке козьего молока. Повинуясь движению пальца, песчинки взмыли в воздух и закружились, образуя крохотную воронку. Продолжая подвывать и приплясывать, я сорвал несколько посеревших, мертвых на первом небе травинок, добавил к ним пару валявшихся под ногами хрупких сосновых иголок, размял в ладони и кинул получившуюся труху в воронку рукотворного вихря. Раздалось потрескивание, какое обычно возникало, когда я разворачивал медвежью шкуру, чтобы достать баранью лопатку для предсказаний; внутри растущего конуса замелькали синие искры. Я зачерпнул горсть мелких камешков и аккуратно высыпал их туда же. Камешки не упали на землю —